

В ТЕР- НОВОМ ВЕНЦЕ РЕВО- ЛЮЦИЙ

В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ, КОГДА ГОРОД САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ВРЕМЕННО НОСИЛ ИМЯ ЛЕНИНА, В УЧЕБНИКАХ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ГОВОРИЛОСЬ: «ЛЕНИНГРАД – КОЛЫБЕЛЬ ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЙ». КОРОТЕНЬКАЯ ФРАЗОЧКА ЭТА ЯВЛЯЕТСЯ КВИНТЭССЕНЦИЕЙ ВСЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ, ИБО, КАК И ВСЯ ОСТАЛЬНАЯ, НЕ СОДЕРЖИТ НИ ОДНОГО СЛОВА ПРАВДЫ

*Так не светит в перстенечке
Самоцветный камешок,
Как среди столетий светит
Наш семнадцатый годок.
Частушка*

*Если надо выбрать в русской истории роковую
ночь, если была такая одна, сгустившая
в несколько ночных часов всю судьбу страны,
сразу несколько революций, –
то это была ночь с 1 на 2 марта 1917 года.
А. Солженицын*

Судите сами. В момент, когда, по мнению авторов, в России проходили революции, город назывался Санкт-Петербургом или Петроградом. «Колыбелью» называется место, где ребенок проводит первые месяцы своей жизни после рождения, однако город был местом начала, то есть рождения, революций, а не местом их последующего развития – в колыбели никто не рождается. И наконец, «три революции».

Определение революции следующее: «Революция (от позднелат. *revolutio* – поворот, переворот, превращение, обращение) – радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, скачок в развитии общества, природы или познания, сопряженный с открытым разрывом с предыдущим состоянием». Первая русская революция 1905–1907 годов никак этому определению не отвечает. «Кровавое воскресенье», всеобщая стачка и «Манифест 17 октября» были главными событиями той «революции», однако их можно также считать просто фазами развития производственных отношений в капиталистическом обществе на определенной стадии, которую прошли до России практически все европейские страны и США.

Заметим на будущее, что все события, позже названные в российской истории «революциями», происходили тогда, когда страна вела войну с внешним врагом. Японцы в 1905 году понимали, что чем дольше продлится их война с Россией, чем плачевнее она для них закончится. Именно поэтому они подписали мирный договор, который больше отвечал интересам России, чем Японии, несмотря на значительные военные успехи их армии. А за кулисами – профинансировали террористическую войну в России (теперь мы знаем даже, что на американские деньги), которая и вошла в историю России как «революция 1905 года».

Ее итогами стали несколько тысяч убитых государственных деятелей и чиновников, среди которых даже ближайшие родственники Императора Николая II. Как, например, московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович, убитый бомбой террориста И. Каляева. Примечателен тот факт, что жена убитого – родная сестра императрицы – ездил в тюрьму к убийце мужа и оставила ему

в подарок Евангелие и икону, а затем обратилась к Николаю II с прошением о помиловании, которое, однако, было отклонено. Сама она, уже будучи монахиней, в компании других представителей правящей династии через тринадцать лет будет брошена коммунистами в шахту недалеко от Алапаевска. Вслед за людьми в глубокую яму полетят гранаты. Местные жители утверждают, что из шахты еще несколько дней были слышны стоны умирающих, а когда тела были извлечены оттуда, раны некоторых оказались перевязанными тканью из одежды Великой княгини Елизаветы Федоровны. Имя Каляева до сих пор носят более десятка улиц в различных городах России, имен Великой княгини Елизаветы Федоровны, канонизированной православной церковью, или ее мужа в топонимии страны не встречается...

Февральская революция 1917 года также не привела к «глубоким качественным переменам». Предательство военных и думских политиков, вынудивших Императора Николая II отречься от власти, и переход этой власти к мятежникам могут быть квалифицированы только как заговор, путч, но никаким образом как революция, в процессе которой происходит серьезное движение масс и «разрыв с предыдущим состоянием». Октябрьский переворот тоже, строго говоря, является лишь сменой одной властной группировки другой. Произшедшие в последующие годы после переворота «качественные изменения» трудно считать незначительными, однако термин «революция» предусматривает также «скачок в развитии», и если Россия такой скачок при коммунистах совершила, то это был большой скачок назад, в дикий феодализм. Если же быть еще более точными, то скачков было достаточно много, и все в разные стороны. Действия политической системы России в первые годы советской власти можно сравнить с действиями зайца, убегающего от хищника. От демократической республики в 1917 году к военному коммунизму, оттуда назад в НЭП, а затем назад (или вперед?) к диктатуре Сталина, которая больше всего напоминает средневековую восточную деспотию.

Как научная дисциплина, история менее всего достойна этого определения, ибо обладает свойством, чуждым всем остальным наукам: личность исследователя ВСЕГДА является частью исследуемого. Отсюда и терминологическая схоластика. Тридцать лет назад, например, Игнатий Гриневицкий был героем-народовольцем, исполнившим волю народа и избавившим Россию от тирана и деспота Александра II. А сегодня – он уже член террористической организации, совершивший злодейское убийство царя-освободителя, реформатора российской жизни, пользовавшегося всенародной любовью и уважением. В доказательство чего посреди Санкт-Петербурга, на месте свершения этого злодеяния, стоит построенный на народные пожертвования храм Спаса-на-Крови, который, кстати, в 1960-е годы был признан не представляющим исторической и архитектурной ценности и лишь чудом спасся от разрушения.

Несколько лет назад у российских властей даже возникло желание создать закон, предусматривающий наказание за «фальсификацию истории» (Слава Богу, хватило ума этого не делать!). «Факты – упрямая вещь», любил повторять вычитанное у кого-то Ленин, а за ним и начитавшиеся его трудов нынешние правители. Но вот их оценка, как раз наоборот, вещь чрезвычайно гибкая. И это также не было для вождя пролетариев секретом. Называя грабителей «экспроприаторами», убийц и террористов «борцами за свободу» а захват власти – «революцией», можно не просто «фальсифицировать» историю, но даже создавать ее. Доктор Геббельс, большой знаток в этом вопросе, утверждал: «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой».

Предпосылки для государственного переворота созрели в России еще в 1916 году, когда Европе стало ясно, что следующий год может стать решающим в войне. Российская экономика за военные годы набрала такие темпы, что количество вооружений и другие военные запасы намного превосходили ресурсы не только противоборствующей стороны, но и союзных стран Антанты. Одним словом,

в 1917 году Россия могла и должна была стать победительницей в Великой войне.

Еще до начала Мировой войны Россия вызывала беспокойство развитых стран мира. В 1913 году французский экономический обозреватель Эдмон Тэри, получивший задание от французского правительства, составил отчет о состоянии российской экономики: «Если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях... Если в течение 36 последующих лет всё будет идти так, как между 1900 и 1912 гг., то население России в 1948 г. будет выше, чем общее население пяти других больших европейских стран».

Такие выводы не могли порадовать ни одну из «больших европейских стран», но в самой меньшей степени «радовали» они Великобританию, которая уже потеряла свое положение самой большой мировой экономики, уступив Америке, а теперь на очереди встали быстро растущие Германия и Россия. Поэтому и Первую Мировую войну, и российские события 1917 года нужно рассматривать исключительно в контексте борьбы за мировое экономическое господство. Это совсем не означает, что «революции» в России являются стопроцентно импортным товаром, однако роль европейских, в первую очередь немецких и английских, а также американских денег и методик сложно переоценить. Сегодня, когда технологии экспорта революций не являются более секретом спецслужб, мы хорошо знаем, что «нагреть» ситуацию можно в любой стране и в любое время. Для этого необходимы лишь желание и деньги. Большие деньги и большое желание.

В печати появляется много сенсационных сообщений о деятельности в России в означенное время различных шпионских сетей, а также о том, что те или иные заметные личности революционных процессов были якобы немецкими, английскими или американскими шпионами. Конечно, шпионы были и действовали, но я уверен, что в каждой стране вполне хватает своих дураков и подлецов, первые из которых «не ведают, что творят», а вторые «ведают», но получают от своих действий выгоду.

Был ли член Государственной думы, лидер Конституционно-демократической партии, почетный доктор Кембриджского университета, историк (!) и публицист Павел Милуков шпионом, масоном или хотя бы евреем (которых тоже многие считают зачинщиками беспорядков)? Нет, и дураком его назвать также «клавиатура не поворачивается», но он был тем подлецом, который с высокой трибуны объявил императрицу и премьер-министра изменниками, готовящими сепаратный мир с Германией. Поскольку правление Николая II было периодом первой свободы в России, газеты (как и в следующий раз – при Ельцине) писали, кто во что горазд, и никто бы не обратил внимания на подобное заявление, если бы оно просто появилось в прессе.

Но заявленное этим человеком и в этом собрании, оно произвело шоковое впечатление и привело к тому, что, например, во время ареста царской семьи в Царском селе в марте 1917 года солдаты на полном серьезе перерыли весь Александровский парк в поисках подземного кабеля для тайной связи императрицы с немецким командованием!

Шпионами не были также и большинство других членов будущего Временного правительства, просто в желании поругать Россией они совсем забыли об интересах самой России. Чем, собственно, и помогли несказанно ее откровенным врагам и недоброжелателям. Трудно поверить в наличие интеллекта, например, у А. Гучкова, который, будучи яррым монархистом, участвовал в аресте Николая II. Какую монархию представлял себе этот политик? Без монарха?

События февраля-марта 1917 года так хорошо известны, что я не вижу смысла в подробностях повторять их, остановлюсь лишь на некоторых ключевых моментах, помня о том, что наиболее лаконичную и то же время исчерпывающую характеристику этого времени дал сам Николай II: «Кругом измена и трусость, и обман».

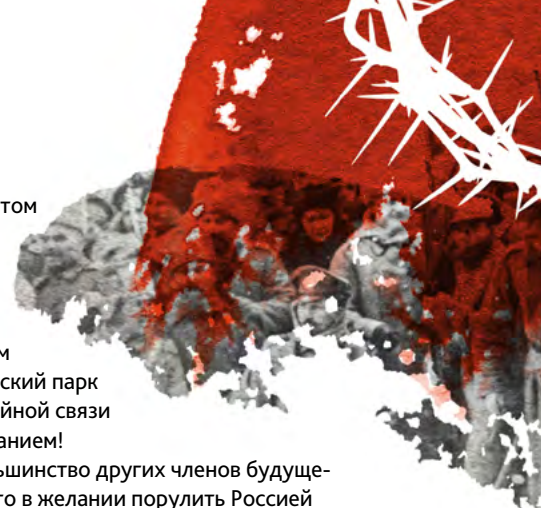
Итак, как только Николай II уехал в Ставку, жены рабочих с Выборгской стороны, не достоявшись в очереди за хлебом, разгромили несколько хлебных лавок. Зима была лютая, и некоторые трудности с доставкой продовольствия в столицу действительно имели место. Но ведь шла война! Те бабы, которые громили булочные, кляня царскую власть, скорее всего, умерли в полном составе зимой 1941–1942, во время блокады. Однако, получая в день по 125 граммов хлеба, никто из них хлебных лавок не громил! Годы диктатуры пролетариата научили их сидеть тихо и открывать рот только тогда, когда нужно было выкрикнуть очередную «осанну» Великому отцу и учителю или засунуть туда очередной хлебный паек.

Иван Солоневич, наблюдавший события февраля 1917-го лично, пишет: «Основной пружиной революции был, конечно, А.И. Гучков. Основной толчок революции дали, конечно, чухонские бабы. Чухонские бабы не имели, конечно, никакого понятия о том, что именно они делают. Горькая ирония истории заключается в том, что А.И. Гучков понимал никак не больше чухонских баб». «Чухонскими» Солоневич называет жен рабочих потому, что по переписи населения 1897 года 96% жителей окрестностей Петрограда заявили своим родным языком какой-либо другой, кроме русского. Конечно, в основном, это был финский, поэтому таковыми они на самом деле и являлись.

На следующий день забастовали сразу несколько заводов, причем все они занимались изготовлением государственного военного заказа. Требования рабочих были исключительно экономическими, и хотя в советские времена утвердилась версия о том, что рабочие быстро сменили лозунги на политические, типа «Долой самодержавие!» и «Долой войну!», это явная неправда! Рабочие, выполнявшие военные заказы, имели бронь от армии и много зарабатывали, поэтому им война была и в самом деле – «мать родна». Пройдет совсем немного времени, и Ленин скажет: «Что же касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходимо карать вплоть до тюремного заключения».

На этом борьба рабочего класса за свои права и закончится, и мы не сможем наблюдать тех же рабочих, требующих повышения зарплаты или хотя бы увеличения нормы выдачи хлеба по карточкам во время Второй Мировой войны. Где бы они оказались уже на следующее утро после такой забастовки? В самом счастливом случае, в штрафбате на фронте!

Скорее всего, лозунги о прекращении войны могли выдвигать присоединившиеся к забастовке рабочих запасные батальоны, стоявшие в Петрограде. Вот тем действительно на фронт ехать не хотелось!

Уже эти эпизоды свидетельствуют о том, что люди в столице находились в состоянии какого-то массового психоза. С одной стороны, они требуют свержения законного монарха на том основании, что он готовит сепаратный мир с Германией, а с другой – сами желают незамедлительного окончания войны!

В последних числах февраля старший унтер-офицер Волянского полка Кирпичников, отказавшись выполнять приказ офицера, застрелил его. На следующий же день портреты «героя революции» были выставлены в лучших магазинах Невского проспекта «Аванцо» и «Дациаро», и его чествовали как «первого солдата, поднявшего оружие против царского строя». Через несколько дней за это убийство он был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, который ему вручил командующий войсками Петроградского военного округа Лавр Корнилов.

Эксплуатировать одно и то же сравнение со сталинскими временами, наверное, было бы слишком навязчиво, но где, скажите, в какой стране и в какие времена, солдат, убивший своего офицера в военное время, награждался бы вместо примерного наказания «по законам военного времени»? Куда вдруг пропали здравый смысл и чувство реальности у ВСЕГО российского общества? В советских источниках часто причиной волны ничем не оправданного зверства и насилия во время этой «бескровной революции» называлась усталость и фрустрация солдат от войны, некая реализация постоянного страха смерти и т.п. Но это, скажем, касается солдат на фронте, а почему мирные жители выставляли портреты убийц в витринах? Тоже устали от войны? Так пошли бы, повоевали, – глядишь, она и кончилась бы быстрее!

Пример убийцы оказался заразительным – только в Петрограде в эти дни было убито около 60

офицеров. В Кронштадте убиты два адмирала и 36 других офицеров. Одним из них был начальник порта Вирен, активно боровшийся с употреблением матросами Балтийского флота кокаина. В Гельсингфорсе (Хельсинки) – основной базе Балтфлота во время Первой Мировой войны – были убиты более 100 офицеров. Одним из первых пал командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. Непенин, убитый «каким-то матросиком» выстрелом в спину. Никто не знает, с какого корабля был тот матрос, и был ли вообще матросом, но после этого убийства флот надолго лишился боевой готовности. Уже в 1970-е годы некто П. Грудачёв издаст книгу, где признается в убийстве Непенина, по-прежнему гордясь своим «героическим» поступком, однако имеется мнение, что убийство было организовано немецкой разведкой. «В то же время со штабного корабля «Кречет» были похищены секретные оперативные документы, в том числе кальки минных позиций», вспоминает штабс-капитан Таранцев, свидетель событий.

Убивали офицеров не только неизвестные матросики, но и свои «родные», которые еще вчера рисковали вместе с офицерами своими жизнями в боях. Убивали зверски: кололи штыками, рубили топорами, а тела сбрасывали с кораблей на лед залива. Глумились над трупами и издевались в моргах над женами офицеров, которые просто хотели забрать трупы своих мужей для захоронения. Адмирала Непенина удалось похоронить на православном кладбище Хельсинки, но матросы пришли и туда, недовольные тем, что их бывший командир погребен по христианскому обычаю. Священнику кладбищенской церкви удалось, как заправскому Ивану Сусанину, сбить с толку пьяную матросню, и могилы они так и не нашли. Может быть, именно этому священнику мы обязаны тем, что можем и сегодня возложить цветы на могилу адмирала. Не всем офицерам так повезло, от многих остались только имена.

Все ли матросы вели себя так, как это описано выше? Совсем нет. Матросы Нагорный и Седнев оставались до последних дней верными своему государю, поехав за ним и его семьей в ссылку в Тобольск, а затем в Екатеринбург. За что и были расстреляны большевиками на следующий день после убийства царской семьи.

Почему же боевые офицеры не отвечали на матросский террор? Скорее всего, ответ за всех дал перед смертью командующий Балтийским флотом Адриан Непенин: «Я русской крови не пролью».

А «русская кровь» уже лилась рекой в те дни, и еще будет литься долгие годы, и, может быть, счастье тех русских офицеров, что не дожили они до 1920-х, 1930-х и 1940-х годов.

1 марта 1917 года, когда официальным главой российской государственности все еще является Николай II, в Таврическом дворце (здание занимала Государственная дума) уже заседают сразу две новых властных структуры: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов и Временный комитет Государственной думы. Первый из них издает знаменитый «Приказ №1», в одночасье разваливший российскую армию. Убийства офицеров уже идут не только в тылу и на флоте, но после этого приказа они распространяются и на фронтовые части российской армии. Второй – рассылает командующим фронтам депешу с предложением признать власть Временного правительства, то есть, иными словами, предать царя, присягу, Россию.

И слово «измена», записанное Николаем Вторым в свой дневник, касалось не солдат и матросов. Российский монарх, горячо любивший свой народ, понимал, что те «не ведают, что творят». Ужас состоял в том, что предателями были члены его собственного Штаба и командующие фронтами и армиями.

Понять логику поступков этих людей я вообще не могу. Единственное, что приходит в голову, это то, что военные во все времена были не сильны на голову, слабо разбирались в политике, и уж тем более в «политических играх». И конечно же, должны были не любить тех «порядков», которые возникли в России в связи со вступлением ее в капитализм.

В результате освобождения крестьян в 1861 году и последующих реформ в России возникло сразу несколько труднопреодолимых противоречий. Быстро развивающееся промышленное производство, сопровождающееся естественной для этого урбанизацией, привнесло в российскую жизнь весь спектр экономических проблем капиталистического общества. Диссонансом этому была явно устаревшая, патриархальная политическая система, которая не являлась тормозом экономического развития и не представляла больших помех возникающим новым общественным отношениям, но воспринималась таковыми в обществе. В итоге получилось, что к началу XX века практически все слои российского населения оказались среди недовольных существующими порядками.

Дворяне, многие из которых хоть и не были помещиками, но жили за счет своих имений, потеряли их в ходе реформы, и им это не нравилось. К началу Первой Мировой войны в помещичьем владении оставалось лишь 13% земли, из которых подавляющее большинство составляли леса и неудобья. К слову сказать, одним из главных лозунгов большевиков (тоже, кстати, краденным у эсеров) был «Земля – народу», но к 1917 году крестьяне и так уже владели почти всей пригодной для земледелия землей (а вот через некоторое время, при коммунистах, – ее лишились). Тормозом развития частного крестьянского землевладения была крестьянская община, но она учреждалась не монархической властью, а самим

крестьянским сообществом. И пока она существовала, недовольны были и крестьяне. Однако крестьянин, по крайней мере, хоть и был сколь угодно беден, тем не менее, живя «на земле», никогда не лишался средств к существованию полностью. Были какое-никакое жилье и, пусть скудное, пропитание. В конце концов, можно было ходить «в кусочки», и в деревне просящему всегда подавали. Другое дело – город. Здесь утратить средства к существованию было очень легко, стоило лишь потерять работу. И пожалеть здесь было некому. Рабочие – потерявшие свою землю крестьяне или выгнанные из общины за какие-либо проступки, не являлись собой образец хороших манер и поведения, поэтому были перманентно недовольны. А дальше шли этнические группы – евреи, финны и поляки, считавшие себя угнетенными в Российской империи. И все это происходило на фоне утраты российским обществом своей христианской морали, православной веры, бывшей в прежних общественно-экономических формациях жизненной основой российского социума.

По этим причинам в России сформировалось уникальное в мировой истории явление – профессиональный революционер. «Революционер – человек обреченный. Все нежные чувства родства, любви, дружбы, благодарности должны быть задавлены в революционере. Всё и вся должны быть ему ненавистны», гласил «Катехизис революционера» М. Бакунина. В российском обществе появляется значительная прослойка людей, которых не связывают общепринятые нормы морали и нравственности, а их эмоциональный фон заглушен одним желанием – действия. Вот как об этом написал известный социалист и террорист Б. Савинков: «Революция и контрреволюция – мне все равно, я жажду действия».

Беда России была не в том, что в стране не хватало свободы, скорее наоборот, свободы было слишком много, она-то и позволила не только зародиться, но и развиваться тем явлениям, которые в итоге Россию погубили. Но в огромной стране не было демократии, у большинства отсутствовали какие-либо возможности влиять на политическую жизнь страны, при полной свободе других действий, все это и создало главное противоречие времени.

Николая Второго обвиняют во многих ошибках, как правило, без всяких оснований, однако, с моей точки зрения, он был неправ лишь в одном: считая, вслед за многими, что народ «не готов» к тем или иным переменам, он думал, что время способно исправить это. На самом же деле ни свободе, ни демократии нельзя научиться в теории, как нельзя научиться водить автомобиль без практических занятий. Человек просто обязан совершить все те ошибки, «набить», так сказать, себе все «шишки», прежде чем он поймет, как это работает. Конечно, революционеры не облегчали задачу Николаю Второму – весь период его правления был не очень удачным временем для больших преобразований. В начале правления – экономический кризис, за которым сразу война с Японией, а далее террористическая война 1905–1907 годов, после которой терроризм и грабежи лишь затихли, но не прекратились. Достаточно упомянуть хотя бы убийство Столыпина в 1911 году. А там уже и опять война, которой все и закончилось.

Станным отречением Императора российского Николая II от престола 2 марта 1917 года закончился трехсотлетний период существования Российской империи, и началось время страны, в которой мы живем сегодня.

«Нет, революции нет никакого оправдания. И в ней не было никакого «народа». Была грязь, предательство, бездарность, бесчестность – немецкие деньги, английские влияния, безмозглость своекорыстие, – кровь и грязь, грязь и кровь... В грязи и крови родился Февраль. В грязи и крови погибнет Октябрь, его законный наследник. А платить – придется нам. И не только нам: платит, и еще будет платить все человечество. Заплачена уже поистине страшная цена, но заплачена еще не вся». Это написал Солоневич в далеком теперь уже 1951 году, но «цена» так еще полностью и не выплачена.

Лео Костылев